

В А Д И М
П А Н О В

ЧУДО (ВИЩЕ)

ЛИТРЕС

Вадим Юрьевич Панов

Чудо(вище)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69387727

Аннотация

К середине XXI века люди построили очень комфортный мир, гармонично сочетающий настоящее, виртуальное и дополненную реальность. Цифровые пространства стали местом отдыха, учёбы и работы. Люди проводят в Метавселенных так много времени, что начинают воспринимать их реальными, а в реальности всегда есть место необъяснимому. В реальности всегда есть место чуду, но можно ли наполнить Метавселенную подлинным волшебством? И сколько человек погибнет ради этого?

Цифровые пространства, дом с привидениями и кочующие по Европе племена тех, кто не желает жить по правилам агломераций – добро пожаловать в Будущее, которое мы заслужили...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Вадим Панов

Чудо(вище)

"Почему приходит жажда?"

Как ни странно, в первый раз Язид задал себе этот вопрос только вчера, на седьмой день плена. Съев очередную порцию еды – что это было: завтрак, обед или ужин, он не знал, поскольку в камере отсутствовали окна – молодой воин вдруг задумался: "Почему приходит жажда?" И не нашёлся с ответом.

Почему она приходит?

Почему она вообще стала появляться? Откуда взялась?

Жажда.

И как она связана с похищением и пленом?

Непонятно.

Сначала Язид не называл своё новое ощущение "жаждой". Он вообще никак не называл периодически накатывающие приступы ярости, запредельно бешеной ярости, требующей немедленного выхода.

Требующей убить.

Язид был воином и знал, что такое бывает: и в бою, и просто так, потому что настало время. Ну а то, что объектом его неистовства становились случайные люди, Язида вообще не волновало – сами виноваты, не нужно было оказываться на пути. Он был воином и плевать хотел на то, что кто-

то попал под горячую руку, а раз попал – сдох. Так и должно быть. Так и было: в первый раз Язид убил и сразу же об этом позабыл. Убил – и убил, захочу – убью ещё. Когда же ярость накатила в следующий раз, Язид вновь ей поддался, поскольку невозможно было не поддаться, и убил, поскольку невозможно было не убить. И снова – первого подвернувшегося под руку человека, незнакомого и невооружённого. Снова убил, но затем, успокоившись и погасив чужой кровью полыхавшую внутри ярость, неожиданно задумался над странным вопросом: «Почему?» Станным, потому что никогда раньше Язиду не приходило в голову задумываться над тем, почему ему хочется убивать. Захотелось, значит, захотелось. Он – воин, он поступает так, как считает нужным. И вот, такая неожиданность – задумался.

«Почему мне захотелось его убить? Почему я его убил?»

Откуда взялась та дикая агрессия, заставившая Язида наброситься на невысокого парнишку, которого втолкнули в его камеру? Настолько робкого парнишку, что он даже не рискнул отойти от двери – жался рядом, со страхом разглядывая прикованного к стене Язида. Парнишка не выглядел опасным и явно не представлял угрозы, Язид хотел расспросить его, узнать, что происходит на территориях, не забыло ли племя о пропавших? Ищут ли? Но когда автоматические замки щёлкнули, освободив руки и ноги, на Язида накатила бешеная ярость, совладать с которой он не мог. Да и не хотел. Атаковал парнишку, удовлетворяя возникшую

жажду, и лишь потом, усевшись в углу, покрытый кровью и довольный, как насытившийся зверь, Язид задумался о случившемся. Не отмахнулся привычно: «Убил и убил», а задумался, потому что осознал, что изменился. Сильно изменился. Ведь даже это убийство... Сначала всё шло привычно. Язид набросился на парнишку с кулаками, сбил с ног, ударил несколько раз ногой... в обычном случае продолжил бы бить, целясь в голову, сейчас же, после двух или трёх ударов, Язид почувствовал, что ему нужно другое. Совсем другое. Убить, но не так. Не забить до смерти, а разорвать жертву, чтобы попробовать её кровь на вкус.

В буквальном смысле.

И тогда же Язид почувствовал, что у него выросли клыки – острые, звериные клыки, которые он с радостным восторгом запустил в шею жертвы. Разорвал плоть. Впился в артерию, с рычанием вытягивая из парнишки жизнь.

Он изменился.

Нет – его изменили!

Проклятые обитатели Шабах сделали операцию, после которой Язид целый день не мог пошевелиться и мучился, потому что всё тело сильно чесалось. Ещё ему обрили волосы и голова два дня была перебинтована, но когда повязку сняли, Язид, как ни старался, не нашёл на голове шрамов. Голова, как голова, только бритая. Вот после той операции и появилась жажда. Нет, не сразу после неё – ещё ему надели плотно облегающие голову очки, которые Язид не мог снять... или

снял? Были ли очки? Сейчас Язид их не чувствовал, но при этом признался себе, что не уверен в том, что происходит. Он давно перестал понимать, где правда, а где ложь. И точно знал одно:

– Я вас ненавижу! Ненавижу!

Получилось так, что в это мгновение пленник смотрел прямо в объектив одной из видеокамер, его лицо было взято крупным планом, а фраза прозвучала громко и отчётливо.

Но не произвела на зрителей впечатления.

– Ничего не получается, – произнёс тот, кого Язид ненавидел больше всех. – Современные нейрочипы не настолько совершенны, чтобы управлять эмоциями. Без наркотиков этот зверёныш не прикоснулся бы к мальчишке, скорее, стал бы его расспрашивать о происходящем на воле.

– Это естественная реакция для пленника, милорд.

– А естественная реакция нормального человека на улице – идти по своим делам, а не набрасываться на окружающих, чтобы выпить их кровь. Нам же нужно другое.

– У нас есть запасной вариант.

– Который теперь стал основным.

– Да, теперь он стал основным.

Тот, которого Язид ненавидел больше всех, не чувствовал раздражения или злости, внутренне он был готов к провалу плана «А», поэтому ощутил лишь лёгкую грусть.

– Жаль, что из-за несовершенства современных технологий мы вынуждены трансформировать блестящий и очень

красивый замысел. Это даже смешно: учёные собираются устроить постоянную автоматическую станцию на орбите Юпитера, но при этом не в состоянии заставить тупого громилу впасть в неистовство по приказу из нейрочипа. В жизни этого дебила существует всего два эмоциональных показателя: «дикая агрессия» и «безразличие», и мы не в состоянии щёлкнуть тумблером. – Он брезгливо посмотрел на монитор, демонстрирующий общую картинку камеры: перепачканный кровью Язид, понуро сидящий около убитого парнишки. – Вся жизнь ублюдка заключается в примитивных сигналах: «хочу жрать», «хочу спариваться», «хочу убивать». Почему мы не можем его заставить делать то, что нам нужно?

– Да, он примитивен, а мы всё равно не можем на него воздействовать. Если же объектом станет существо с более развитым мозгом...

– Мы говорим о ливерах¹, откуда у них развитый мозг? – перебил собеседника тот, кого Язид ненавидел больше всех на свете. Помолчал и чуть спокойнее продолжил: – Поскольку запасной вариант стал основным, проблема преодоления систем безопасности выходит на первый план.

– Специалист уже едет.

– Хороший специалист? Мне нужен лучший, самый лучший.

– Хороший. Поверьте, милорд, она очень талантлива и досконально знает интересующую нас область цифровых

¹ Ливер (от *англ.* live – жить) – сленговое обозначение жителей городов

технологий.

* * *

«Работай там, где живёшь! Это комфортно, удобно, выгодно!»

Зачем тратить время на дорогу, если его можно потратить на что-то важное: провести переговоры, пообщаться с друзьями, посмотреть фильм или поиграть? Время дорого и у тебя есть масса возможностей, чтобы убить его с удовольствием, а не угробить в вагоне электрички, проходящей через сектора гигантской агломерации.

Работай там, где живёшь. А ещё лучше – там, где спишь. Не перегружай муниципальный трафик, помоги агломерации сэкономить на новых вагонах. Дай заработать создателям игр и фильмов, и владельцам увеселительных заведений. Зачем куда-то ездить, если всё, что нужно для жизни, дроны-курьеры привезут в твою квартиру. Больше напоминающую капсулу с широкополосным каналом в бесконечную Сеть.

«Работай там, где живёшь!»

Поэтому муниципальные электрички переполнялись только по утрам и вечерам: когда обитатели окраин отправлялись на работу в Сити – достаточно высокооплачиваемую, чтобы не жалеть о времени на дорогу, но недостаточно высокооплачиваемую, чтобы позволить себе капсулу в центре.

Днём же, несмотря на то, что их количество резко сокращалось, электрички ходили полупустыми, поэтому Шанти избежала толкотни и духоты, и всю дорогу сидела у окна, бездумно разглядывая классический пейзаж гигантской агломерации: стены-окна-стены-окна и редкие просветы между домами. Пейзаж начался сразу, едва электричка покинула подземную станцию в Сити, и не менялся по мере приближения окраины окраины. Стены, дома, редкие просветы. И всего три человека в вагоне, двое из которых то и дело бросали на Шанти заинтересованные взгляды. Внимание не вызывало удивления, учитывая, что выглядела девушка необычайно привлекательно: при невысоком росте, Шанти обладала женственной фигурой с упругими, ярко выраженными округлостями, а благодаря постоянным тренировкам, каждое её движение переполняла живая, природная энергия. Чёрные глаза, прямые чёрные волосы, подстриженные коротким каре, смуглая кожа, резко очерченные губы – прекрасные в улыбке и манящие к поцелуям. Шанти приковывала мужские взгляды, и мысленно порадовалась тому, что эти двое едут не вместе – иначе бы точно подошли предложить «приятно провести время». Впрочем, нет, вряд ли. Эти ливеры мужественно выглядели лишь через AV-очки²: «оболочки³», которы-

² AV-очки (от *англ.* Augmented reality (Дополненная реальность) и Virtual reality (Виртуальная реальность)) – комбинированное устройство, позволяющее владельцу с одинаковой эффективностью работать в обеих цифровых реальностях.

³ «Оболочка» (*сленг.*) – виртуальный образ человека в дополненной или виртуальной реальности.

ми они изображали себя в дополненной реальности, были подтянутыми и спортивными, а сняв очки, девушка увидела пивные животики, дряблые руки, торчащие из-под коротких рукавов несвежих летних рубашек и небритые одутловатые лица любителей дешёвого уличного фастфуда. Глаза скрыты за AV-очками, разумеется, затемнёнными, но Шанти знала, что не увидит во взглядах уверенности. Вообще ничего не увидит, кроме тени похоти, заставляющей их глазеть на красивую попутчицу.

Нет, не подойдут.

И это хорошо, поскольку девушка не испытывала желания ни общаться с ними, ни отшивать.

Не подошли.

Даже на конечной ни один не рискнул завязать разговор, хотя платформа оказалась пустой и никто не мешал хотя бы попытаться познакомиться с понравившейся девушкой. Отвернулись и быстрым шагом отправились по своим делам. Шанти же повесила на спину рюкзак, спрятала AV-очки и неспешно вышла на площадь перед станцией. Тоже почти пустую.

«Работай, где живёшь!» А лучше – где спишь. С развитием Метавселенных почти вся деловая активность переместилась в сеть, а работа – в капсулы, которые ливеры называли квартирами и даже домами. Кресло или диван, AV-очки и курьеры, в большинстве своём – дроны, доставляющие в капсулы всё необходимое – вот и вся жизнь. Если погода позво-

ляла, некоторые выходили работать в парки и скверы, валялись на травке, глядя на мир через сетевое подключение, но таких было меньшинство. Ведь выход в парк требует усилий, гораздо проще остаться на диване и «повалиться» на травке в Метавселенной, испытывая все те же ощущения, что и от настоящего выхода на природу. Получить набор эмоций без лишних усилий.

Людей на улицах стало очень мало, а вместе с прохожими постепенно исчезала и уличная преступность: во-первых, мало кто мог позволить носить на себе дорогие украшения, а при себе – наличные; во-вторых, вокруг полным-полно дронов и следящих видеокамер; в третьих, и это было самым главным – людей на улицах стало очень мало. С другой стороны, любой окраинный сектор агломерации опасен для чужаков: на них могли напасть не с целью ограбления, а потому что они – чужаки. На окраинах агломераций давно сформировались этнически однородные зоны, и Шанти, хоть и смуглая, но с явно европейскими, а не восточными чертами лица, да к тому же одетая не по предписанным нормам, оказалась в роли потенциальной жертвы. Она, конечно, не собиралась заходить в подъезды или заведения, не думала, что на неё нападут на улице, однако неприязненное внимание ощутила. Занервничала, но виду не показала, нельзя, ведь если дронешь – рядом молниеносно сформируется небольшая стая желающих изнасиловать «неверную». Поэтому Шанти не показала. Спокойно прошла по тротуару, выискивая взглядом

Адару, но прежде подруги наткнулась на патрульную машину Департамента социального согласия, контролёр которого стоял рядом и медленно жевал кебаб, равнодушно разглядывая прохожих. Равнодушно и очень спокойно, поскольку его безопасность обеспечивало не менее семи дронов, в том числе – ударный, вооружённый пулемётом и готовый расстрелять любого, кто проявит агрессию к представителю власти. Дроны, видеокамеры и беспилотные наземники составляли техническую основу Соцсогласия, поэтому контролёр в секторе был один – примерно на триста тысяч ливеров – и этого вполне хватало для поддержания повседневного порядка.

У него даже оставалось время, чтобы лично поприветствовать сомнительную гостью.

– Что ты здесь забыла? – поинтересовался контролёр, когда Шанти оказалась в шаге от него.

Пришлось остановиться и вежливо сообщить:

– У меня есть право на выезд за пределы агломерации.

– Неужели?

Отметки о разрешённых перемещениях ставились на главной странице идентификатора, контролёр не мог их не видеть, но учитывая, что сотрудники Социального согласия имели право задержать любого гражданина на семьдесят два часа без объяснения причин, а Шанти торопилась, следовало сохранять спокойствие, вести себя вежливо и ни в коем случае не хамить.

– Да, у меня есть официальное разрешение, господин кон-

тролёр.

– Странно, что оно не фальшивое... – Он помолчал, поправил АV-очки, то ли привычным жестом, то ли в надежде получше разглядеть отметки, и хмыкнул: – Я бы не удивился.

Девушка знала, почему стала объектом пристального внимания, а точнее – измывательств со стороны муниципально-го служащего. Нет, не только потому что контролёру было скучно, хотя ему явно было скучно. Главной же причиной являлся послушной список Шанти. Не плохой, наоборот – слишком хороший. Не так давно девушка так же состояла на государственной службе, занимая должность контролёра Четвёртого департамента, который в неофициальной табели о рангах, занимал строчку выше Соцсогласия, вот и получила порцию унижений от бывшего коллеги.

– Вернёмся к вопросу: ты чего здесь забыла?

– Я проездом в вашем секторе, – спокойно ответила Шанти. – Надеюсь уехать в течение получаса.

– На чём уехать?

– Меня ждёт подруга.

– Тоже из бывших?

– Нет.

– Допустим... – Он доел кебаб и принялся медленно вытирать салфеткой пальцы, продолжая при этом смотреть девушке в глаза. – Полчаса?

– Надеюсь, быстрее, господин контролёр.

Ответ вызвал одобрителный кивок, однако угроза всё

равно последовала:

– Если за эти полчаса ты подключишься к какой-нибудь из здешних точек, я тебя арестую за попытку проведения хакерской атаки. Это понятно?

Он имел право на любые меры «способствующие сохранению порядка» и дал понять, что с удовольствием их применит. Шанти кивнула, показав, что неприятностей от неё не будет, и тогда контролёр бросил салфетку на тротуар:

– Ты намусорила.

Если не поднимешь – можно влететь на крупный штраф за «нарушение муниципальных норм гигиенического контроля» и до месяца заключения за «неподчинение законным требованиям по обеспечению социального согласия общества». Девушка молча наклонилась и подняла салфетку.

– Извините. Случайно обронила.

– А вообще, тебе с твоими данными нужно в проститутки идти, – вальяжно продолжил контролёр. – Сейчас опять мода на настоящих шлюх без пластических операций. Дать адрес?

– А это законно?

– А ты хитрая. – Контролёр рассмеялся и направился к водительской дверце мобиля. – Полчаса, Шанти, и я предупредил насчёт подключений.

Девушка проводила его взглядом, бросила салфетку в мусорный бак – разумеется, в «правильный», предназначенный в том числе для бумаги, поскольку за каждым её движением следил оставленный контролёром дрон – поправила рюкзак,

быстрым шагом дошла до парковки и улыбнулась помахавшей рукой подруге.

Ну, как подруге... познакомились месяц назад, в Сети, общались, понравились друг другу, пару раз весело зависли в «Яркости»⁴, развлекаясь, как умеют лишь молодые девчонки, потом пересеклись в реальности, сдружились ещё крепче, потом Шанти рассказала, что на мели, но не хочет ни работать на корпорацию, ни возвращаться на государственную службу, и Адара сказала, что её нынешний работодатель как раз подыскивает специалиста уровня Шанти. Шанти спросила о чём идёт речь, Адара ответила, что о частном проекте эксцентричного, но очень богатого человека, дала номер личной нейросети работодателя, и после короткого собеседования Шанти получила приглашение.

– Привет.

– Привет, дорогая. – Девушки обменялись поцелуями. – Что он от тебя хотел?

Подруга увидела, кто задержал Шанти, но благоразумно осталась в стороне.

– Унизить.

– Получилось?

– А как ты думаешь?

Адара улыбнулась и вздохнула:

– Ты молодец.

⁴ «Яркость» – Метавселенная, рекомендуемая для жителей данной части земного шара.

– Я бы руки помыла, но негде, – сказала Шанти, усаживаясь в мобиль подруги. – Я ведь не была такой. Я была хорошим контролёром.

– Люди разные.

– К сожалению, я это знаю.

Протоколы Экологического Ренессанса требовали, чтобы между агломерациями скоростные поезда ходили без остановок, разгонялись до четырёхсот километров в час и мчались, пока не прибывали в конечную точку. В глубь территорий можно было попасть либо по воздуху – так предпочитали перемещаться очень богатые биггеры⁵, либо на электрических мобилях. Адара оказалась обладательницей не очень большой, но достаточно вместительной машины весёленького ярко-розового цвета. Предупредила: «Поедем не очень быстро – я водитель осторожный», однако скорость набрала резко, а в потоке, правда, не очень плотном, вела себя весьма агрессивно, словно управляла не скромным мобилем, а дорогой спортивной машиной. Шанти это обстоятельство отметила, но ничего не сказала, вяло ответила на какую-то шутку о дороге и уставилась на корпуса мусороперерабатывающего комплекса, начавшиеся сразу за жилыми постройками сектора. Несмотря на высокую стоимость еды, заставляющую ливеров покупать ровно столько, сколько они смогут съесть, и то, что почти все возможные вещи, включая

⁵ Биггер (от *англ.* big – большой) – сленговое обозначение представителей верхнего социального слоя

одежду, изготавливались из биоразлагаемых материалов, изрядная часть мусора требовала вывоза на полигон или переработки. Полигоны запретили протоколы Экологического Ренессанса, поэтому на окраинах окраин агломераций поднялись гигантские комплексы, призванные оставить отбросы там, где они появились. Огромные цеха, стоящие на страже экологического возрождения планеты, напоминали крепостные стены, когда-то ограждавшие жителей городов от внешних угроз, а теперь – окружающую среду от жителей городов. Мусорные комплексы стали цитаделями нового порядка.

* * *

– А твой отец не разозлится? – осторожно спросил Шухрат.

– Почему он должен разозлиться? – поинтересовался в ответ Джумали.

– А разве непонятно? – Шухрат знал Джумали с детства, считался лучшим другом, не раз доказывал свою преданность и потому имел право на некоторую вольность в общении с сыном шейха. Остальные юноши понимали, что стоят на ступеньку ниже, поэтому помалкивали. Но внимательно прислушивались к разговору. И никто не догадывался, что верный Шухрат затеял его по договорённости с Джумали – чтобы снять у членов небольшого отряда последние сомнения.

– Мы не делаем ничего запрещённого, – пожал плечами Джумали.

– Племя не воюет с людьми Пазыла, – произнёс Шухрат самую важную фразу, которая вертелась в голове всех отобранных для рейда юношей. Боявшихся – и не без оснований – гнева шейха Камалетдина. Сейчас было важно увлечь их, объяснить, что они правы, и Джумали решил применить «вечную» максимуму территорий:

– Мы всегда воюем со всеми! – громко произнёс он, обводя молодых бойцов яростным взглядом. – И наша сила не в лживом уважении, которое выказывают нам соседи, а в том, что мы делаем то, что считаем нужным. Всегда! И мы никому не позволим гадить исподтишка. Не будем искать доказательств! Если нас оскорбили – мы накажем тех, кого сочтём нужным, кого мы считаем виновными! Таков закон свободных территорий!

Джумали говорил горячо и убедительно. Парни же согласно кивали, но поддерживать его выкриками не спешили. Парни понимали, зачем опасная вылазка нужна молодому наследнику – время идёт, ему уже семнадцать и пора показать, что он достоин своего великого отца. Рано или поздно Джумали предстояло встать во главе древнего, уважаемого рода – по праву крови, но власть над племенем отец ему гарантировать не мог, в других знатных семьях тоже подрастают амбициозные наследники, которые, если Джумали себя не проявит, с радостью займут место, которое он считал

своим.

– Кто нас оскорбил? – выдал Шухрат заготовленную реплику.

– Пазыл похитил и продал в рабство Язида и двух других наших друзей! – ответил Джумали.

После этого заявления глаза ребят вспыхнули: Язид действительно пропал и никто не знал, как это произошло – ушёл на охоту и не вернулся. Шейх Пазыл поспешил сказать Камалетдину, что непричастен, Камалетдин принял заявление вождя соседнего племени к сведению, поскольку не имел доказательств обратного, а вот Джумали доказательства не требовались.

– Почему ты думаешь, что Язида похитили люди Пазыла? – спросил осторожный Насиб.

– А кто ещё? – притворно удивился Джумали. – Племя шейха Фикрета кочует далеко к югу, а людей шейха Халдуна слишком мало, они трусливы и не рискнули бы тронуть никого из наших.

– Если Язида и ребят продали работорговцам, то их не вернуть, – заметил Линар.

– Мы их не вернём, – согласился Джумали. – Зато отомстим. Покажем Пазылу, что нас нельзя трогать безнаказанно.

– И начнём войну? – вздохнул Насиб.

– Я не собираюсь начинать войну, – покачал головой Джумали. – Заберём пять-десять голов и продадим в «Кентук-

ки». И отомстим, и заработаем.

И все посмотрели на старый мост через небольшой овраг, за которым начинались земли племени шейха Пазыла. Мост не охранялся – не имело смысла, поскольку овраг не был слишком длинным и его легко можно было обойти с обеих сторон, а в километре за мостом находилась ферма, которая и должна была стать целью рейда. Переехать через мост, затем двести метров через лес, затем – через поле. На скорости дорога займёт пару минут, не больше. Их шестеро, у них большой армейский внедорожник «Maul», в рабочий кузов которого легко поместится десяток пленных. Затем быстрое отступление и час до «Кентукки» по собственным землям, то есть, в относительной безопасности.

– Это рейд, а не война!

– Твой отец учил никогда не идти в рейд без разведки, – напомнил Линар.

– Быстрый рейд! Километр туда – километр обратно. Кто со мной?

Парни переглянулись, мысленно взвешивая все «за» и «против». С одной стороны, рейд действительно быстрый и на быстром внедорожнике всё должно получиться так, как задумал Джумали. Но при этом – рейд неподготовленный. С другой стороны, в неподготовленности заключалось его преимущество – люди Пазыла не ждут нападения. Но самое главное – причина, побудившая Джумали предложить рейд: наследнику нужно показать себя. И он не забудет тех, кто

был рядом с ним. Сейчас, в таких вот рейдах, формируется будущая элита племени, и если откажешься – второго шанса может не представиться.

Поэтому не отказался никто.

И «Maul», буквально перепрыгнув через мост, стремительно помчался вглубь земли Пазыла. А сидящие в нём ребята повели себя так, как должны были на чужой территории: автоматы сняты с предохранителей, стволы смотрят в разные стороны, стрелки готовы в любое мгновение открыть огонь; никаких шуток, все внимательны и сосредоточены. Особенно – пулемётчик, отвечающий за основное оружие внедорожника – старый, но не устаревший, абсолютно надёжный «Браунинг». Пулемётчик знает, что если что-то пойдёт не так – только от него будет зависеть, сумеют ли парни вырваться. Только его крупнокалиберные пули, больше похожие на снаряды, позволят сдержать атаку, но... но противник тоже об этом знает. Противник прекрасно понимает опасность пулемётчика, поэтому ему прилетает первая пуля. Одна из двух первых пуль. Пулемётчику в шею, точно над бронежилетом. Водителю – в левый глаз. «Maul» был быстрым, потому что не обладал серьёзной защитой, и пуля из тяжёлой снайперской винтовки с лёгкостью пробила усиленное лобовое стекло.

Два выстрела прозвучали в тот момент, когда «Maul» выехал из леса. Два выстрела, которых ребята не услышали и только потом узнали, что они были. А в тот момент они уви-

дели заваливающегося пулемётчика, затем почувствовали, что внедорожник забирает вправо, слетает с дороги и переворачивается. А они летают внутри кабины, врезааясь друг в друга, крича от неожиданности и страха, теряя ориентацию и не думая о том, что нужно защищаться. Удар оглушает. Требуется время, чтобы прийти в себя, но времени нет – к перевернувшемуся внедорожнику бегут люди, лезут внутрь, хватают валяющиеся в кабине автоматы, грубо вытаскивают ребят, и вскоре Джумали обнаруживает себя сидящим на земле, безоружным, со связанными руками, гудящей головой и расплывающимся взглядом. Увидел подошедшего мужчину, попытался сфокусироваться на нём, что получилось далеко не сразу, поэтому прежде, чем мужчина превратился из размытого пятна в чёткое изображение, юноша узнал его по голосу – сам шейх Пазыл.

Глава соседнего племени присел перед Джумали на корточки, усмехнулся и задумчиво произнёс:

– Ну и что мне с вами делать?

* * *

– Ничего не делать, – рассмеялась Адара. – Будем ждать, пока они не пройдут.

– Просто ждать? – уточнила Шанти.

– А что ещё остаётся?

И действительно – что? Примерно час назад они съеха-

ли со скоростного шоссе – по два ряда в каждую сторону, разделительный бетонный отбойник, забор в пяти метрах от обочины и зарядные станции каждые пятьдесят километров – и оказались на местной дороге, двухрядной, с хорошим асфальтом, но не ограждённой. И проезжая через очередной лес, были вынуждены остановиться, чтобы пропустить небольшое стадо благородных оленей. Которые, в свою очередь, замерли посреди дороги и принялись с любопытством разглядывать розовый мобиль.

– Они нас не боятся, – удивилась Шанти.

– Мы находимся в строгой заповедной зоне, – рассказала Адара. – Охота здесь запрещена под страхом смертной казни.

– А есть нестрогие заповедные зоны?

– Есть, конечно. Охота в них разрешена по лицензиям.

– И местные соблюдают правила?

– Племена к этому приучили, – пожалала плечами Адара. – Все животные чипированы. Если хоть одно из них умирает, дрон прибывает к месту происшествия в течение четверти часа и фиксирует браконьера. Затем следует наказание.

Федеральное правительство не для того вводило протоколы Экологического Ренессанса, чтобы позволить кому-то их безбоязненно нарушать.

Тем временем, олени потеряли интерес к мобиле и неспешно скрылись в лесу, Адара вновь набрала скорость и Шанти уточнила:

– Племена?

– Неужели ты о них не слышала?

– О людях, отказавшихся переселяться в агломерации?

– Кто-то отказался, кого-то не взяли, кто-то бежал сюда из агломераций, удалив нейрочип... Ты не поверишь, сколько идиотов отказалось переселяться по религиозным соображениям, не позволяющим им вживлять чипы. На территориях они сбиваются в племена и... как-то живут.

– Чем они занимаются?

– Как-то живут, – повторила Адара. – Охотятся, выращивают еду на фермах, торгуют наркотиками и рабами, воюют друг с другом...

– Ты серьёзно?

– Не волнуйся – им чётко объяснили правила игры и не позволяют их нарушать. Нападение на гражданина агломерации карается атакой боевых дронов на все поселения племени, поэтому таких инцидентов не было уже лет двадцать. У них своя жизнь, у нас – своя.

– Удивительно... – протянула Шанти. – В шаге от цивилизации живут... племена.

– У них нет промышленности, науки, всё образование – умение читать и писать. Ну и считать, конечно же. Лечатся у знахарей и в бесплатных медицинских пунктах, которые открыло федеральное правительство. Электричество и товары им продают, но с очень большой скидкой, говорят, даже ниже себестоимости.

– Но всё-таки продают? Не раздают просто так?

– Они должны отрабатывать получаемые блага. Иначе быстро превратятся в нахлебников.

– Как отрабатывать? Торговлей наркотиками?

– Торговлей запрещёнными наркотиками, – уточнила Адара. – Таких осталось немного, но племенам на жизнь хватает.

– Только не говори, что наркотики они продают правительству.

– Нет, конечно, правительство просто закрывает на их бизнес глаза. Всё, что происходит на территориях – остаётся на территориях. Пока племена соблюдают правила игры – их не трогают.

– Но зачем они нужны?

– Война любит пехоту.

– Не поняла, – нахмурилась Шанти.

Некоторое время Адара молчала, затем поняла, что до цели их пути ещё далеко, а вопрос повис в воздухе, и неохотно ответила:

– Ты видела ливеров?

– Больше, чем хотелось бы.

– Многие из них пребывают не в самой лучшей физической форме – образ жизни не позволяет. А на территориях нужны воины, их тут и воспитывают.

– А потом?

– Потом правительство их... призывает. Пограничные

конфликты, корпоративные войны, подавление беспорядков... война – это очень сложно, одними дронами не обойтись, нужна пехота.

– И её здесь выращивают, – догадалась Шанти.

– Об этом не принято говорить.

– Хорошо, не буду.

– Тем более, мы приехали. – Адара бросила взгляд на часы. – Помнишь, что я тебе рассказывала? И о чём предупреждала?

– Ничему не удивляться?

– Да, ничему не удивляться. Хозяин поместья человек эксцентричный, его вкус и некоторые пожелания могут показаться странными, но он очень богат и могущественен. Будь вежлива. А удивлением потом поделишься со мной.

– Только удивлением?

– Даю слово: он не потребует от тебя ничего унизительно-го, если ты об этом, – ответила Адара. – На этот счёт можешь не беспокоиться.

Они свернули на узкую, ведущую в лес дорожку – тоже асфальтированную – проехали метров сто и остановились перед высокими коваными воротами, то ли старыми, то ли со старыми искусственно. Ворота появились неожиданно – сразу за изгибом дороги, и совсем неожиданно для привычного мира жителя агломераций.

– Ого! – Шанти не смогла сдержать короткий возглас. – Как в кино.

– Дальше будет ещё интереснее, – с улыбкой пообещала Адара. И повернулась к подлетевшему дрону.

Проверка не заняла много времени: основной дрон считал данные с нейрочипов девушек и сравнил их с отпечатками сетчаток, два других, намного меньшего размера, просканировали мобиль изнутри и снаружи, не нашли ничего подозрительного, и дали сигнал пропустить гостей.

– Нормы безопасности в поместье достаточно строгие, но они направлены против местных.

– Ты же говорила, что племенам давно объяснили, что следует соблюдать правила, – припомнила Шанти.

– Объяснили, – кивнула Адара. – Но необходимо поддерживать в них понимание соблюдения правил. Силой поддерживать. И покорность, и нейтралитет, и дружба достигаются только силой, если ты слаб – ты можешь рассчитывать лишь на благотворительность.

– Понятно. – Шанти помолчала, а затем, заметив, что лес редеет, неожиданно спросила: – Поместье как-то называется?

И услышала в ответ:

– «Инферно».

И не успела удивиться ответу, потому что лес закончился и девушка увидела его.

Особняк.

Нет, замок. Или дворец. То, что некогда называлось «шато». Двухэтажный, но из-за высоких перекрытий и мансард-

ной крыши выглядящий массивным, настоящим дворцом. И при этом, к удивлению Шанти, особняк казался заброшенным: бордовая крыша местами потеряла цвет и кое-где стёкшая с неё краска испачкала жёлтые, тоже выцветшие стены. Асфальт закончился перед воротами, от них к дому вела мощёная дорога, сквозь булыжник которой проросла трава. Лестница на парадную террасу так же пребывала в запущенном состоянии: камень потемнел, некоторые ступени рассыпались. И столь же тёмным показался круглый фонтан перед лестницей, разумеется, недействующий.

Всё вокруг угасало, точнее – давным-давно угасло, навало гнетущую тоску и даже немного страшило.

«Инферно».

– Крыша башни правого крыла повреждена и в ней живут летучие мыши, – сообщила Адара, позволив подруге сполна насладиться зрелищем. – Самые настоящие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.